



**Сьюзан Кулидж**  
**Что Кейти делала потом**  
Серия «Кейти», книга 3  
Серия «Лучшая классика для девочек»

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11633996](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11633996)*  
*Что Кейти делала потом : повесть / Сьюзан Кулидж: Эксмо; Москва; 2015*  
*ISBN 978-5-699-80973-8*

**Аннотация**

Повести, рассказывающие о судьбе девочки Кейти, американской писательницы Сьюзан Кулидж стали классикой мировой литературы для детей.

Кейти – отзывчивая, милая, добрая и чуткая девушка. Но судьба готовит ей новые сюрпризы, которые Кейти должна с честью выдержать. Кейти ждет увлекательное путешествие в Европу и, конечно же, первая любовь.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 11 |
| Глава 3                           | 19 |
| Глава 4                           | 28 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 31 |

# **Сьюзан Кулидж**

## **Что Кейти делала потом**

Susan Coolidge

WHAT KATY DID NEXT

© Батищева М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2015

\* \* \*

## Глава 1

### Нежданная гостья

Веселое сентябрьское солнце заглядывало в голубую спальню. Его лучи играли на блестящих волосах и в ярких глазах двух девочек, сидевших бок о бок и подрубавших длинные оборки из белого муслина. На кровати лежало недошитое платье, и, как только очередная волнистая, шуршащая оборка была закончена, девочки добавляли ее к белоснежной куче муслина, выглядевшей как нагромождение полупрозрачных облаков или как взбитый в жесткую пену яичный белок.

Этими девочками были Кlover и Элси Карр, а платьем, для которого они подшивали оборки, – первое бальное платье Кlover. Прошло почти два года с тех пор, как Джонни ездила в Инчес-Миллз, о чем некоторые из вас читали в книжке «Девять маленьких гусят», и больше трех лет с момента возвращения Кlover и Кейти из пансиона в Хиллсвере.

Теперь Кlover было восемнадцать. Она оставалась все той же невысокой Кlover, но не так-то просто было бы отыскать где-нибудь более хорошенькую маленькую особу. Кожа у нее была такая белая, что казалось, будто ее руки и плечи, округлые и пухлые, как у ребенка, сделаны из лепестков маргариток или белых роз. Головку изящно обвивали густые каштановые волосы. Улыбка у нее была необыкновенно приятная, а глаза – в них всегда заключалось главное очарование Кlover – по-прежнему имели то трогательное выражение, которое делало их неотразимыми для мягкосердечных людей.

Элси, обожавшая Кlover, считала ее такой же красавицей, какими бывают героини книжек, и очень гордилась тем, что ей, Элси, было позволено подшивать оборки для платья, в котором Кlover предстояло впервые выйти в свет. Хотя что касается «выхода в свет», в Бернете для этого было не так уж много возможностей: чаепития, какие обычно устраивают люди среднего возраста, да изредка скромный танцевальный вечер представляли собой «развлечения» и «светское общество». Девушки начинали «выезжать» почти так же, как встает по утрам солнце – постепенно, без какого-либо определенного момента, который можно было бы считать поворотным пунктом радостного события.

– Ну вот, – сказала Элси, добавляя еще одну оборку к лежащей на кровати куче, – пятая готова. Я думаю, платье будет удивительно красивое. Я рада, что ты сделала его целиком белое – так гораздо элегантнее.

– Сиси хотела, чтобы я сделала голубые лиф и пояс, – сказала Кlover, – но я не согласилась. Тогда она попыталась уговорить меня купить длинную гирлянду пунцовых роз и пришить ее к юбке.

– Как я рада, что ты этого не сделала! Сиси всегда была помешана на пунцовых розах. Удивляюсь только, почему их не было на ней, когда она выходила замуж.

Да-да, непревзойденная Сиси, которая в тринадцать лет объявила о твердом намерении посвятить всю жизнь преподаванию в воскресной школе и посещению бедных с целью подать хороший пример своим более суетным современникам, на деле очень быстро забыла об этих прекрасных замыслах, и не исполнилось ей и двадцати, как она стала женой Сильвестра Слэка, молодого адвоката из соседнего городка! Свадьба и свадебные наряды Сиси и меблировка ее нового дома очень занимали Бернет в предыдущем году, а позднее волнующей новостью стало появление у Сиси малютки, которой было теперь уже два месяца и которая получила имя Кэтрин-Кlover, в честь двух подруг Сиси. И потому вполне естественно, что Сиси и ее дела по-прежнему были предметом постоянного интереса в семействе Карров, все члены которого часто виделись с ней, а в то время, о котором мы пишем, у нее гостила приглашенная на неделю Джонни.

– Она была в них прямо-таки влюблена, – продолжила тему пунцовых роз Кловер. – Когда я не захотела покупать эту гирлянду, она чуть ли не рассердилась. Но розы стоили дорого, и к тому же мне они совсем не были нужны, так что я стояла на своем. А потом, я всегда говорила, что мое первое бальное платье непременно будет просто белым. В романах девушки всегда надевают белое, отправляясь на свой первый бал. А живые цветы гораздо красивее искусственных. Кейти обещала дать мне свои фиалки.

– О, правда? Это будет прелестно! – воскликнула любящая Элси. – Фиалки чем-то очень похожи на тебя... Ах, Кловер, а как ты думаешь, какое платье будет у меня, когда я вырасту и буду ходить на вечеринки и все такое? Это будет ужасно интересно, когда мы с тобой будем выбирать его для меня, правда?

В этот момент послышались звуки быстрых шагов, заставившие сестер поднять глаза от шитья: кто-то бегом поднимался по лестнице. Шаги иногда говорят о многом, а эти навели на мысль о спешке и волнении.

В следующую минуту дверь распахнулась, и в комнату влетела Кейти с криком:

– Папа!.. Элси, Кловер, где папа?

– Он уехал за реку к тому мальчику, у которого сломана нога, – сыну мистера Уайта, – сказала Кловер. – А что случилось?

– Кто-нибудь поранился? – спросила Элси, встревоженная возбужденным видом Кейти.

– Нет, никто не поранился, но у бедной миссис Эш такие неприятности!

Миссис Эш, как, вероятно, необходимо объяснить, была вдовой, несколько месяцев назад переехавшей в Бернет и поселившейся в уютном домике неподалеку от Карров. Это была красивая, благородной внешности женщина с чрезвычайно приятными манерами и очень привязанная к своей единственной дочке. И Кейти, и папа сразу полюбили ее, и две семьи скоро стали дружны и близки, как иногда происходит, когда тому способствуют обстоятельства.

– Подождите минутку, я все вам расскажу, – продолжила Кейти. – Но сначала я должна найти Александра и послать его навстречу папе, чтобы тот поскорее вернулся домой. – Она снова выбежала на лестницу и громко позвала: – Дебби, Дебби!

Дебби откликнулась. Кейти отдала ей необходимые распоряжения, а затем вернулась в комнату, где сидели сестры.

– Ну вот, – сказала она уже более спокойно, – я должна объяснить все как можно короче, так как мне нужно вернуться к миссис Эш. Вы ведь знаете, что у нее гостит сейчас ее маленький племянник?

– Да, он приехал в субботу.

– Так вот, вчера он весь день чувствовал недомогание, а сегодня ему еще хуже. Миссис Эш опасается, что у него скарлатина. К счастью, Эми провела весь вчерашний день в гостях у Апемов, так что почти совсем не видела мальчика. И сегодня, как только ее мать встревожилась, что девочка может заразиться, Эми выслали в сад поиграть и с тех пор не впускали в дом, так что пока она не подверглась никакой особенной опасности. Я проходила по дороге мимо их сада и увидела, что там, в беседке, сидит с безутешным видом бедная девчушка, совсем одна, с куклой на коленях. Я заговорила с ней через ограду, а миссис Эш услышала мой голос, открыла окно на втором этаже и окликнула меня. Она сказала, что Эми никогда не болела скарлатиной, и уже одна мысль о том, что девочка заболит, до смерти пугает мать. Ведь Эми – такой слабый ребенок.

– Бедная миссис Эш! – воскликнула Кловер. – Мне так жаль ее! Ну и что же ты сделала, Кейти?

– Надеюсь, я не сделала никакой глупости, предложив взять Эми к нам. Папа не будет возражать – я почти уверена.

– Конечно же не будет! Ну и что же теперь?

– Сейчас я вернусь туда, чтобы забрать Эми. Миссис Эш должна поручить Эллен, горничной, которая не заходила в комнату больного, упаковать в мешок одежду Эми и положить его на крыльце, потом я пошлю за ним Александра... Вы представить не можете, как расстроена бедная миссис Эш. Она не смогла сдержать слезы, когда сказала, что Эми – единственное, что осталось у нее в жизни. И я тоже чуть не заплакала, так мне было ее жаль. Но ей сразу стало легче, когда я сказала, что мы возьмем Эми. Вы ведь знаете, она очень доверяет папе.

– Да, и тебе тоже. Где же ты устроишь Эми на ночь, Кейти?

– А как ты думаешь, где было бы лучше всего положить ее? Комната Дорри сейчас пустует.

– Я думаю, ей лучше поселиться здесь, с тобой, а мне перебраться в комнату Дорри. Ты же знаешь, она привыкла спать в комнате своей мамы. Ей было бы очень грустно, если бы мы оставили ее совсем одну.

– Пожалуй, ты права. Только это такое неудобство для тебя, Кlover, дорогая.

– Ничего! – бодро ответила Кlover. – Мне, пожалуй, даже нравится пожить иногда в другой комнате. Это то же самое, что путешествие, – *почти* то же самое.

С этими словами она отложила недошитое платье, затем открыла ящик комода, вынула из него свои вещи и начала переносить их через лестничную площадку в комнату Дорри, делая все неторопливо и аккуратно, как это всегда было характерно для Кlover. Она почти завершила свои приготовления, когда возвратилась Кейти, ведя с собой Эми Эш.

Эми была довольно высокой восьмилетней девочкой с простодушным, обычно веселым, лицом и длинными светлыми волосами, распущенными по спине. Она была похожа на Алису в стране чудес<sup>1</sup>, как ее изображают на картинках, но в данный момент это была очень несчастная Алиса, так как глаза ее припухли, а на щеках виднелись следы недавних слез.

– Да что же такое случилось? – воскликнула добросердечная Кlover, обнимая Эми и крепко прижимая ее к себе. – Разве ты не рада, что погостишь у нас? Мы рады.

– Мама не поцеловала меня на прощание, – всхлипнула девочка. – Она даже не спустилась вниз. Она только выглянула в окно и сказала: «До свидания, Эми! Веди себя хорошо и не доставляй хлопот мисс Карр» – и отошла от окна. Раньше я никогда никуда не уходила, не поцеловав маму на прощание.

– Мама не стала целовать тебя, так как боялась, что может заразить тебя скарлатиной, – объяснила Кейти, в свою очередь выступая в роли утешительницы. – Она не поцеловала тебя не потому, что забыла. Я думаю, ей было еще тяжелее, чем тебе. Ее главная забота – чтобы ты не заболела, как заболел твой кузен Уолтер. Она готова на все, лишь бы этого не произошло. А как только Уолтер поправится, она поцелует тебя – десятки раз, вот увидишь! Пока же она говорит вот в этой записке, что ты должна каждый день писать ей маленькое письмо, а она будет спускать из окна на веревочке корзинку, в которую мы с тобой будем бросать наши письма. А потом, стоя у калитки, мы будем смотреть, как она поднимает эту корзинку. Как это будет забавно, правда? Мы будем играть в то, что ты моя маленькая дочка и что у тебя есть настоящая мама и «мама понарошку».

– А спать я буду вместе с вами? – спросила Эми.

– Да, вот в той постели.

– Красивая постель, – объявила Эми после того, как с минуту очень серьезно рассматривала кровать Кlover. – И вы будете каждое утро рассказывать мне сказку?

---

<sup>1</sup> «Алиса в стране чудес» (1865) – фантастическая повесть английского писателя Льюиса Кэрролла (1832–1898).

– Если ты не станешь будить меня слишком рано. До семи часов сказки у меня всегда бывают сонные... Давай-ка посмотрим, что Эллен сложила в этот мешок, а потом я отведу тебе несколько ящиков комода, и мы уберем туда твои вещи.

Мешок был набит хорошенькими платяницами и нижним бельем, в спешке засунутыми кое-как и вперемешку. Кейти вынимала вещи из мешка, пальцами разглаживала складки и расправляла примятые оборки. Когда она приподняла последнюю юбку, Эми с радостным криком налетела на что-то, лежавшее внизу.

– Это Мария-Матильда! – воскликнула она. – Я так рада! Я боялась, что Эллен забудет о ней и бедная крошка не будет знать, что и подумать, когда я и ее маленькая сестра так долго не будем навещать ее. Понимаете, у нее была корь и она лежала на дальней полке в кладовой, так что никто не услышал бы ее, как бы громко она ни кричала.

– Какое у нее красивое личико! – сказала Кейти, взяв куклу из рук Эми.

– Да, но не такое красивое, как у Мейбл. Мисс Апем говорит, что Мейбл – самый красивый ребенок из всех, каких она только видела. Вот посмотрите, мисс Кловер. – И Эми взяла другую куклу со стола, куда положила ее, когда вошла. – У нее прелестные глаза, правда? Она старше Марии-Матильды и поэтому знает гораздо больше. Она уже начала учить французские глаголы!

– Да что ты! Какие же?

– Пока только *j'aime, tu aimes, il aime*<sup>2</sup> – то же самое, что наш класс учит в школе. За другие она не бралась. Иногда она произносит их совсем неплохо, но иногда так бестолкова, что мне приходится ее бранить. – К этому времени Эми уже успела снова прийти в хорошее настроение.

– У тебя есть только эти две куклы?

– Ах, пожалуйста, не называйте их так! – с настойчивостью в голосе попросила Эми. – Это их ужасно обижает. Я никогда не даю им понять, что они куклы. Они думают, что они настоящие дети. И только иногда, когда они уж очень плохо себя ведут, я в наказание употребляю это слово. У меня есть еще несколько детей. Среди них старая *Ragazza*<sup>3</sup>. Это имя ей дал мой дядя. Она тряпичная<sup>4</sup>, но у нее такой тяжелый ревматизм, что я больше с ней не играю; я лишь даю ей лекарство. А еще есть Эффи Динз<sup>5</sup>, у нее только одна нога, и Мопсаволшебница<sup>6</sup>, она совсем маленькая и сделана из фарфора, и Пег Линкин-вадди – но она не в счет, потому что развалилась на части.

– Какие необычные имена у твоих детей! – заметила Элси, вошедшая в комнату во время этого любопытного перечисления.

– Да, имена им дал дядя Нед. Он очень чудной дядя, но милый и всегда так интересуется моими детьми!

– А вот и папа! – воскликнула Кейти и побежала вниз, чтобы встретить его.

– Правильно ли я поступила? – с тревогой спросила она, после того как рассказала обо всем отцу.

– Да, дорогая, совершенно правильно, – ответил доктор Карр. – Надеюсь только, что Эми забрали вовремя. Я сейчас же пойду повидать миссис Эш и осмотреть мальчика. И еще, Кейти, – держись подальше от меня, когда я вернусь, и не подпускай ко мне других, пока я не переоденусь.

---

<sup>2</sup> Я люблю, ты любишь, он любит (*франц.*).

<sup>3</sup> Девочка, девушка (*итал.*).

<sup>4</sup> По-английски *rag* – лоскут, тряпка.

<sup>5</sup> Эффи Динз – героиня романа В. Скотта «Эдинбургская темница» (1818).

<sup>6</sup> «Мопсаволшебница» – популярная в конце XIX – начале XX в. детская книжка американской писательницы Джин Инглоу.



Удивительно, как быстро и как легко человеческие существа привыкают ко всякому новому положению вещей. Когда в дом неожиданно приходит болезнь или горе, или случается пожар, или дом разрушает торнадо, за этим следует несколько часов или дней беспорядка и растерянности, но потом люди собираются с духом, с мыслями и берутся за дело. И если их жилище разрушено, они разбирают развалины, перестраивают, чинят – подобно тому, как муравьи, чей муравейник растоптан, немного побегав, точно безумные, вокруг руин, начинают все вместе восстанавливать свое маленькое конусообразное сооружение, столь важное в их глазах. Проходит совсем немного времени, и перемены, которые поначалу казались такими печальными и странными, становятся чем-то привычным и обыкновенным и больше не вызывают у нас удивления.

Через несколько дней Каррам уже казалось, что Эми всегда жила у них. Необходимость избегать встречи с папой, пока он не переоденется после своего ежедневного визита к больному, уроки Эми и игры с ней, ее утренний и вечерний туалет, прогулки с «мамой понарошку», записочки, бросаемые в корзинку, – все это представлялось частью порядка вещей, который имел место долго-долго и которого, если бы все вдруг стало по-прежнему, каждому из них стало бы не хватать.

Но все отнюдь не сделалось вдруг по-прежнему. Болезнь маленького Уолтера оказалась тяжелой, а уже начав поправляться, он случайно простудился, и ему снова стало хуже. Были даже некоторые очень серьезные симптомы, и в течение нескольких дней доктор Карр не был уверен, что все обойдется благополучно. Дома он ничего не говорил о своих опасениях, но сохранял молчание и веселое лицо, как это умеют доктора. И только Кейти, которая была более близка с отцом, чем все остальные, догадывалась, что в соседнем доме события принимают угрожающий характер, но она была слишком хорошо приучена к подобным ситуациям, чтобы задавать вопросы. Пугающие симптомы, однако, исчезли, и маленький Уолтер стал медленно поправляться, но это было долгое выздоровление, и, прежде чем на щеках племянника появился румянец, миссис Эш сделалась худой и бледной. Не было никого, кому бы она могла порекомендовать заботу о ребенке. Мать Уолтера давно умерла, а отцу, перегруженному работой коммерсанта, едва удавалось найти время, чтобы раз в неделю навестить сына; дома у мальчика не было никого, кроме экономки, которой миссис Эш не вполне доверяла. Так что добрая тетюшка отказывала себе в удовольствии видеть собственного ребенка и отдавала все свои силы и время Уолтеру.

Прошло почти два месяца, а Эми по-прежнему оставалась у доктора Карра и была там вполне счастлива. Она очень полюбила Кейти и вполне непринужденно чувствовала себя со всеми остальными. Джонни, которая уже возвратилась от Сиси, и Фил отнюдь не были такими большими или такими гордыми, чтобы не пожелать разделить забавы восьмилетней девочки; что же до старших, то Эми стала их настоящей любимицей. Дебби пекла для нее полукруглые пирожки с начинкой и придавала всевозможные причудливые формы печенью с корицей, лишь бы доставить ей удовольствие. Александр позволял ей править лошадьми, когда она сидела на переднем сиденье большого экипажа Карров. Доктор Карр редко чувствовал себя настолько усталым, чтобы быть не в состоянии рассказать ей сказку, – и никто, на взгляд Эми, не рассказывал таких замечательных сказок, как доктор Карр. Эли придумывала всякие чудесные игры, в которые можно было поиграть перед сном, Кловер шила великолепные шляпы и пелерины для Мейбл и Марии-Матильды, а Кейти – Кейти делала все.

Кейти обладала особым даром завоевывать расположение детей – даром, который нелегко описать. У некоторых есть этот дар, у некоторых его нет. Этому невозможно научиться, это врожденный талант. Она была веселой, требовательной, уравновешенной – все одновременно. Она и развлекала, и воспитывала их. Было в ней нечто пробуждавшее детское воображение, и всегда они ощущали ее сочувствие и симпатию. Эми была послушной девочкой и к тому же не по годам понятливой и сообразительной, но никогда и ни к кому

она не относилась так хорошо, как к Кейти. Она следовала за Кейти повсюду, словно была влюблена в нее, осыпала ее нежными словами, дарила ласками, какими не дарила никого другого, и, взобравшись на колени к Кейти, по полчаса подряд гладила ей плечи своей нежной рукой и ворковала, как счастливый голубок, глядя ей в лицо. Кейти смеялась над этими проявлениями чувств, но они доставляли ей большую радость. Ей было приятно быть любимой, как и всем ласковым людям, но больше всего – быть любимой ребенком.

Наконец долгое выздоровление завершилось, Уолтер был перевезен к отцу – при этом были приняты все меры предосторожности против утомления и простуды, – а в доме миссис Эш появилась целая армия рабочих. Обои сорвали, штукатурку отскоблили, стены выкрасили и оклеили заново, матрасы перетянули, постельное белье и часть одежды сожгли – тогда доктор Карр объявил, что в помещениях обеспечены санитарные условия, и миссис Эш послала за своей маленькой девочкой, которая могла теперь возвратиться домой, не подвергаясь опасности.

Эми была вне себя от радости, что увидит маму, но в самый последний момент уцепилась за Кейти и заплакала так, словно сердце ее разрывалось.

– Я хочу и вас взять с собой, – всхлипывала она. – Ах, если б только доктор Карр позволил вам поселиться со мной и с мамой, я была бы так счастлива! А без вас мне будет очень одиноко!

– Глупости! – воскликнула Кlover. – Одиноко? Это с мамой-то и всеми твоими бедными детьми, которые все это время ломали голову, что же случилось с тобой! На первых порах им всем потребуются твое внимание, я уверена: кому-то надо будет дать лекарство, кому-то сшить новое платье, кого-то отшлепать – множество самых разных забот. Помнишь, я обещала сшить платье для Эффи Динз из той коричневой с голубым шотландки, из которой сшита юбка Джонни? Я собираюсь начать его завтра.

– Правда? – И Эми забыла о своем горе. – Какая это будет прелесть! Юбочку можно сделать не очень широкой: Эффи не ходит, ведь у нее только одна нога. Но она будет так рада, потому что нового платья у нее не было – уж я и не знаю, с каких пор.

Утешившись тем, что Эффи ожидает такая радость, Эми удалилась в довольно хорошем настроении, и миссис Эш была избавлена от неприятного впечатления – единственное дитя в слезах в первый вечер воссоединения с матерью после долгой разлуки. Но Эми постоянно говорила о Кейти и, казалось, так полюбила ее, что это навело миссис Эш на мысль, имевшую важные последствия, как это будет видно из следующей главы.

## Глава 2

### Приглашение

Любопытный факт – и он делает жизнь очень интересной – заключается в том, что, вообще говоря, никто из нас не знает о предстоящих событиях до того самого момента, когда они произойдут. Мы просыпаемся утром, понятия не имея о том, что огромное счастье совсем близко, и, прежде чем наступит вечер, оно приходит, и весь мир преобразается для нас. Или мы просыпаемся веселые и бодрые, даже не подозревая о том, что тучи горя сгущаются на нашем горизонте, чтобы на время скрыть от нас солнце, и еще до полудня все для нас погружается во тьму. Ничто не шепчет нам заранее ни о радости, ни о горе. Никакой инстинкт не приказывает нам помедлить или поспешить, когда предстоит вскрыть письмо или телеграмму или отодвинуть засов двери, за которой стоит посланец с добрыми или дурными вестями. И так как может случиться – и часто случается так, что приходят счастливые вести и происходят радостные события, каждый новый день, когда он начинается для нас, подобен еще не прочитанной истории, возможно очень занимательной и полной приключений, которым предстоит сделаться нашими, как только мы разрежем страницы и начнем читать.

Ничто не шепнуло Кейти Карр, когда она, сидя у окна и зашивая длинную прореху на школьном жакете Джонни, увидела, как миссис Эш входит в боковую калитку и звонит в колокольчик папиной приемной, – ничто не шепнуло Кейти, что этот визит имеет для нее какое-то особое значение. Миссис Эш часто приходила в приемную, чтобы получить профессиональный совет доктора Карра по тому или иному вопросу. Может быть, Эми не совсем здорова, думала Кейти, или пришло письмо с известиями об Уолтере, или что-то не так в доме, где все еще работали обойщики и маляры. Так что она продолжала спокойно штопать жакет нитью, выдернутой из кусочка такой же ткани, аккуратно вводя иглу в материал и выводя из него и делая красивые, ровные стежки без всякого трепета или дрожи предчувствия, тогда как если бы только она могла пронзить взглядом две стены и две двери, отделявшие комнату, где она сидела, от папиной приемной, и узнать, что говорит папе миссис Эш, школьный жакет был бы тут же отброшен и, забыв о своем росте и правилах приличия, она запрыгала бы от удивления и восторга. Ведь миссис Эш просила папу позволить Кейти сделать именно то, чего Кейти хотелось больше всего на свете, – она просила его позволить Кейти поехать вместе с ней, миссис Эш, в Европу!

– Я не очень хорошо себя чувствую, – сказала миссис Эш доктору. – Я переутомилась за время болезни Уолтера и, кажется, не могу стряхнуть усталость, как надеялась прежде. У меня такое ощущение, что перемена обстановки принесла бы мне большую пользу. Вы так не думаете?

– Я согласен с вами, – признал доктор Карр.

– Мысль о Европе не совсем нова для меня, – продолжила миссис Эш. – Я всегда хотела поехать, но отказывалась от поездки – отчасти потому, что боялась ехать одна и не знала никого, кого бы мне действительно хотелось взять с собой. Но если вы, доктор, позволите мне взять с собой Кейти, все препятствия будут устранены. Эми горячо любит ее, и я тоже. Она именно та спутница, какая мне нужна. Если она будет со мной, мне ничто не страшно. Я надеюсь, вы согласитесь.

– И как долго вы собираетесь отсутствовать? – спросил доктор Карр, испытывая одновременно и удовольствие от этих похвал в адрес Кейти, и ужас при мысли расстаться с нею.

– Думаю, около года. Пока мои планы остаются довольно неопределенными, но в мои намерения входило провести сначала несколько недель в Шотландии и Англии – у меня

есть кухни, которые живут в Лондоне и были бы рады принять нас у себя; а моя давнишняя подруга замужем за англичанином, жителем острова Уайт, так что, возможно, мы съездили бы и туда. А затем мы могли бы переправиться во Францию, посетить Париж и другие места и, прежде чем наступят холода, перебраться на юг, в Ниццу, а оттуда в Италию. Ведь Кейти хотела бы увидеть Италию, как вам кажется?

– Полагаю, что да, – улыбнулся доктор Карр. – Было бы странно, если б она этого не хотела.

– Есть еще одно обстоятельство, заставляющее меня предполагать, что посещение Италии в предстоящую зиму было бы особенно приятным и для меня, и для Кейти, – продолжила миссис Эш. – Дело в том, что там будет мой брат. Он лейтенант военно-морского флота, и корабль «Начиточес», на котором он служит, входит в Средиземноморскую эскадру. Скоро эта эскадра должна прибыть в Неаполь, и если бы мы оказались там одновременно с ней, то Нед сопровождал бы нас и брал на различные приемы, которые устраивают на флагманском корабле, что было бы приятным разнообразием для Кейти. Затем, ближе к весне, я хотела бы съездить во Флоренцию и Венецию, а в начале лета посетить озера на севере Италии и Швейцарию. Но все зависит от того, отпустите ли вы Кейти. Если вы откажете мне, я брошу всю эту затею. Но ведь вы не откажете, – добавила она просительно, – вы не будете так жестоки. Я буду заботиться о ней и сделаю все, что смогу, чтобы она была довольна, – только согласитесь отпустить ее со мной. Я буду считать это таким одолжением с вашей стороны. И это совершенно ничего не будет вам стоить. Понимаете, доктор, все это время она будет моей гостьей. Я хочу, чтобы это было ясно с самого начала. Она едет ради меня, и я беру ее только на таких условиях. Прошу вас, доктор Карр! Я уверена, вы не откажете мне, когда я так этого хочу.

Миссис Эш была очаровательна и говорила очень убедительно, но все же доктор Карр колебался. Отправить Кейти развлекаться целый год в Европе – такое никогда не приходило ему в голову. Одна только стоимость такого путешествия уже оказалась бы непреодолимым препятствием, так как сельские доктора с шестью детьми не бывают богатыми людьми даже в ограниченном и старомодном истолковании слова «богатый». Столь же невозможным казалось и позволить ей ехать за счет миссис Эш; в то же время представившаяся возможность была так привлекательна, а сама миссис Эш так искренна и настойчива в своей просьбе, что трудно было ответить категорическим отказом. В конце концов доктор согласился не спешить с решением и сначала все хорошенько обдумать.

– Я поговорю с Кейти, – сказал он. – Девочка должна иметь возможность выразить свое мнение. Но какое бы решение мы ни приняли, позвольте мне поблагодарить вас от ее имени, так же как и от моего собственного, за вашу доброту.

– Ах, доктор, дело совсем не в доброте, и я не хочу, чтобы меня благодарили. Мое желание взять Кейти с собой в Европу – чистейший эгоизм. Я одинока, – продолжила она, – и у меня нет ни матери, ни сестер или кузин моего возраста. Профессия моего брата заставляет его надолго уходить в море; я почти не вижу его. У меня нет никого, кроме нескольких старых тетюшек, а они слишком слабы здоровьем, чтобы путешествовать со мной или стать мне опорой в случае необходимости. Как видите, меня, право же, нужно пожалеть!

Миссис Эш старалась говорить весело, но ее карие глаза были затуманены слезами, когда она произнесла это маленькое обращение. Доктор Карр, отзывчивый всегда, когда дело касалось женщин, был глубоко тронут. Вероятно, это отразилось на его лице, так как миссис Эш добавила с возросшей надеждой в голосе:

– Больше я не буду упрашивать. Я знаю, вы не откажете мне, если только не сочтете это правильным и необходимым. И, – продолжила она лукаво, – я очень рассчитываю на Кейти как на союзницу. Я почти уверена, она скажет, что хочет поехать.

И действительно, возглас восторга, вырвавшийся у Кейти, когда ей был предложен план миссис Эш, говорил об этом достаточно ясно, делая излишними дальнейшие объяснения. Поехать в Европу на год вместе с миссис Эш и Эми – это казалось похожим на сказку. Все, что она слышала, о чем читала – соборы, картины, альпийские вершины, знаменитые места, знаменитые люди, – вдруг пронеслось в ее воображении ошеломляющим потоком, поражающим и захватывающим своим великолепием. Нежелание доктора расстаться с ней, все его возражения растаяли в лучах ее радости. Он и не предполагал, что ей так захочется поехать. Но в конце концов, это была замечательная возможность – быть может, единственная такого рода возможность в ее жизни. Доктор знал, что миссис Эш легко могла позволить себе доставить Кейти это удовольствие; в известной степени справедливо было и то, что своим согласием Кейти делала миссис Эш не меньшее одолжение, чем та ей своим приглашением. Естественным результатом такого хода мыслей стало то, что доктор Карр начал колебаться в своем мнении.

Но прошло первое волнение, и Кейти взглянула на дело более серьезно. Как сможет папа целый год обходиться без нее? Ему будет очень не хватать ее, – это она хорошо знала, – и не окажутся ли домашние заботы слишком тяжелой ношей для Кlover? Почти все варенье уже успели сварить – и это было единственное утешение, но оставалась еще зимняя одежда, о которой следовало позаботиться: Дорри требовались новые фланелевые рубашки, платья Элси предстояло переделать для Джонни, – а засолить огурцы, а заказать уголь! Сонм хозяйственных забот начал осаждать Кейти – на лбу появилась маленькая морщинка, а лицо, такое веселое всего лишь за несколько минут до этого, приняло озабоченное выражение.

Как ни странно, но именно эта морщинка и выражение озабоченности положили конец сомнениям доктора Карра.

«Ей всего лишь двадцать один год, – размышлял он, – детство едва осталось позади. Я не хочу, чтобы она стала вечно обеспокоенной, замученной нудной работой, а ее юность прошла в заботах обо всех нас. Она должна поехать, хотя не знаю, как мы сумеем обойтись без нее. Придется маленькой Кlover выступить вперед и показать, на что она способна».

И «маленькая Кlover» храбро «выступила вперед», когда прошло первое потрясение и она отвела душу, хорошенько поплакав в одиночестве о том, что придется целый год обходиться без Кейти. Затем она вытерла глаза и начала бескорыстно упиваться мыслью об огромном удовольствии, какое предстоит сестре. Ничто не казалось невозможным, лишь бы обеспечить Кейти эту радость, и Кlover не принимала всерьез многочисленные тревоги и опасения сестры.

– Деточка, – заявила она, – я не хуже тебя сумею определить, что передо мной фланелевая нижняя рубашка, когда ее увижу. Выпустить ткань из складок на платье Джонни? Вот уж поистине! Для того чтобы распороть складку, не-требуется никакой сверхчеловеческой изобретательности! Дай мне твои ножницы, и я тебе сейчас это покажу. Повидло из айвы? Дебби сумеет его сварить. Ее повидло почти ничем не хуже твоего; да будь оно и хуже, разве стали бы мы горевать, если ты в это время восходишь на Монблан<sup>7</sup> и водишь дружбу с Микеланджело<sup>8</sup> и европейскими монархами? Я замариную персики! Я закажу растопку! А если когда-нибудь случится так, что я растеряюсь и не смогу обойтись без дружеского совета, то схожу к миссис Холл. Не беспокойся о нас. Мы легко и успешно со всем справимся. На самом деле, я ничуть не удивилась бы, если б вдруг развила в себе такие способности к ведению хозяйства, что по возвращении домой тебе пришлось бы всю оставшуюся жизнь только сидеть сложа руки и смотреть, как все делаю я! Вот было бы замечательно, а? – И Кlover весело рассмеялась. – Так что, Кейти, дорогая, пусть тень не омрачает твоего

<sup>7</sup> Монблан – самый высокий горный массив в Савойских Альпах, на границе Швейцарии, Франции и Италии.

<sup>8</sup> Микеланджело Буонарроти (1475–1564) – великий итальянский художник и скульптор.

чела, чтобы ты выглядела так, как должна выглядеть девушка, отправляющаяся в Европу. Да если б я ехала в Европу, так все время просто стояла бы на голове!

– Не очень-то удобное положение, чтобы упаковывать вещи, – улыбнулась Кейти.

– Удобное, если только перевернуть и чемодан вверх дном! Как подумаю обо всем том восхитительном, что ждет тебя в Европе, едва могу усидеть на месте. Как я *люблю* миссис Эш за то, что она пригласила тебя!

– Я тоже, – серьезно ответила Кейти. – Такая доброта! Не понимаю, почему она это сделала.

– А я понимаю, – ответила Кlover, всегда готовая защитить Кейти даже от самой Кейти. – Она сделала это потому, что ты нужна ей, а нужна ты ей потому, что ты самая милая на свете и так хорошо, когда ты рядом. Не говори, что это не так, – ты именно такая! Ну же, Кейти, не думай больше о таких пустяках, как соленья и рубашки. Мы отлично со всем справимся, уверяю тебя. Лучше думай о куполе собора Святого Петра<sup>9</sup> или попытайся вообразить, что ты почувствуешь, когда впервые ступишь в гондолу или увидишь Средиземное море. Вот это будет минута! Я чувствую, как во мне развивается хозяйственная мощность в сорок лошадиных сил! А как будет весело получать письма от тебя! Мы будем доставать энциклопедию, большой географический атлас и «Историю современной Европы» и читать обо всем, что ты видишь, и обо всех тех местах, которые ты посещаешь, – и это будет как урок географии, истории и политической экономии, вместе взятых, – только гораздо интереснее! Мы все распухнем от знаний, прежде чем ты вернешься; так что твой прямой долг – ехать, хотя бы только ради нас.

Этими горячими уверениями удалось заставить Кейти почувствовать себя довольной, и это было нетрудно для нее при таких заманчивых перспективах. Стоило ей отложить в сторону свои маленькие заботы и тревоги, как мысль о предстоящем путешествии стала доставлять с каждой минутой все больше радости. Каждый вечер она, папа и дети сосредоточенно изучали карты и составляли планы поездок и осмотра достопримечательностей – планы, от которых, вполне вероятно, предстояло отказаться, как только начнется настоящее путешествие. Но они не знали об этом, да это и не имело существенного значения. Такие планы – радости, предшествующие путешествию, и неважно, что они не приводят ни к каким результатам, после того как выполнили свое назначение.

Кейти многое узнала, пока таким образом обсуждалось то, что ей предстояло увидеть в Европе. Она читала все, что только ей удавалось найти, о Риме, Флоренции, Венеции, Лондоне. Теперь самые сухие подробности, казалось, были полны очарования, так как она должна была скоро увидеть все своими глазами. Куда бы она ни шла, в кармане у нее лежали клочки бумаги, на которых было написано что-нибудь вроде: «Форум<sup>10</sup>. Когда построен? Кем? Один или несколько?», «Что значит *Cenacolo*<sup>11</sup>», «Цецилия Метелла<sup>12</sup>. Кто она была?», «Выяснить подробности о св. Екатерине из Сиены»<sup>13</sup>, «Кем была Беатрис

---

<sup>9</sup> Собор Святого Петра – крупнейший памятник итальянской архитектуры эпохи Возрождения, расположен на берегу реки Тибр в Риме.

<sup>10</sup> Форум – во времена Древнего Рима центральная площадь в каждом крупном городе. Там проходили выборы, заключались торговые сделки, там же находились важные общественные здания. Позднее единый форум уступил место двум форумам – один предназначался для политической деятельности, другой для торговли.

<sup>11</sup> *Cenacolo* – «Тайная вечеря», знаменитая картина великого итальянского живописца Леонардо да Винчи (1452–1519), выполненная им в виде фрески на стене трапезной монастыря Санта-Мария делле Грации в 1495–1497 гг.

<sup>12</sup> Цецилия Метелла – жена древнеримского политического деятеля, триумвира Расса. Ее знаменитый мавзолей расположен на Аппиевой дороге, в миле от итальянского порта Сан-Себастьяно. В Средние века был перестроен и превращен в бастион.

<sup>13</sup> Св. Екатерина из Сиены (1347–1380) – одна из знаменитых итальянских святых, автор религиозных наставлений и поэм.

Ченчи?»<sup>14</sup> Как жалела она, что не училась более усердно и не проявляла большей любознательности прежде! Люди всегда жалеют об этом, отправляясь в Европу, – и жалеют еще больше, после того как, приехав туда, осознают, насколько велика ценность точных сведений, правильных представлений и глубокого знакомства с иностранными языками для всех путешественников и как эти знания придают еще большее очарование всему увиденному и позволяют чувствовать себя непринужденно в любой обстановке.

Весь Бернет проявлял интерес к планам Кейти, и почти каждый предложил ей совет, помощь или какой-нибудь маленький подарок. Старая миссис Уоррет, которая, хоть и стала еще толще, сохранила способность к передвижению, приехала с фермы на Плоском Холме в своем вместительном экипаже и привезла в подарок изрядно устаревший путеводитель Марре в полинявшем красном переплете – тот самый, которым пользовался в юности ее отец и который, по убеждению миссис Уоррет, должен был очень пригодиться Кейти, – а также бутылку ямайского имбирного лимонада на случай морской болезни. Золовка Дебби принесла пакетик сушеной ромашки – на тот же случай. Кто-то сказал ей, что это «полезнейшая вещь, которую обязательно нужно иметь при себе на этих пароходах». Сиси прислала чудесное – цвета старого золота с пурпуром – изобретение. Его предстояло вешать на стену каюты, и на нем были отдельные карманы для часов, лекарств, носовых платков, гребней и шпилек; к этому были приложены подушечка для булавок с надписью «*Bon voyage*»<sup>15</sup>, образованной рядами блестящих головок аккуратно вколотых булавок, бутылочка одеколона, кусок мыла, а также молоточек и гвоздики с большими шляпками, чтобы прибивать все это приспособление к стене. Подарком миссис Холл оказались теплый и очень красивый темно-голубой капот из шерстяной фланели и пара мягких комнатных туфель с вязаным верхом под цвет капота. Старый мистер Уоррет прислал Кейти записку с советами: принимать каждый день таблетку хинина, никогда не оставаться допоздна на открытом воздухе – так как росы «там», говорят, нездоровые – и ни в коем случае не пить ни капли некипяченой воды.

От кухни Элен прибыл прелестный дорожный несессер, легкий и одновременно прочный, обеспечивающий всевозможные мелкие удобства. Мисс Инчес прислала «Историю Европы» в пяти томах, которые были такими толстыми и тяжелыми, что их пришлось оставить дома. Да и немало других подарков, полученных Кейти, пришлось оставить дома, включая бронзовое пресс-папье в виде грифона, пару больших латунных подсвечников и чернильницу из золоченой бронзы с подставкой для пера, весившую не меньше полутора фунтов. Их Кейти отложила, чтобы использовать по возвращении. Миссис Эш и кухня Элен, обе предупредили ее о неудобствах, связанных с тяжелым багажом, и по их совету она ограничилась одним дорожным сундуком средних размеров и небольшим плоским чемоданом, который могла бы держать в своей каюте.

Подарком Кlover оказался набор блокнотов, записных книжек, дневников и тому подобного. В одном из них Кейти составила списки «Что я должна увидеть», «Что я должна сделать», «Что я хотела бы увидеть», «Что я хотела бы сделать». В другом она отвела место для адресов хороших магазинов, которые называли ей многие, – сама она не собиралась делать покупки, но полагала, что адреса могут пригодиться миссис Эш. Кейти все еще была столь наивной и непрактичной, а ее жизненный опыт столь малым, что ей даже не приходило в голову, какие танталовы муки<sup>16</sup> можно испытать, стоя перед витриной магазина, полной прелестных вещей, и не имея возможности купить ни одну из них. Поэтому она была удив-

<sup>14</sup> Беатрис Ченчи (1577–1599) – дочь итальянского аристократа, жестоко обращавшегося со своими детьми и убитого ими. По приговору Папы Римского она и ее родственники были казнены. Эти события легли в основу драмы «Ченчи» (1819) английского поэта Шелли.

<sup>15</sup> «Доброго пути» (франц.).

<sup>16</sup> По древнегреческому мифу, лидийский царь Тантал был осужден богами на вечные муки голода и жажды. Он стоял по горло в воде под деревом с плодами, но ему не доставалось ни воды, ни плодов.

лена, благодарна и неожиданно почувствовала себя очень богатой, когда примерно за неделю до отъезда отец вручил ей три маленькие тонкие бумажные полоски, которые, как он сказал, были дорожными чеками, на сто долларов каждый. Он также дал ей пять английских соверенов.

– Монетами ты сможешь воспользоваться сразу, – сказал он, – а чеки спрячь и не потеряй. Лучше обменивать их на деньги по одному, когда понадобится. Миссис Эш объяснит, как это сделать. Тебе потребуется новое платье или другая одежда, прежде чем ты вернешься домой, захочется купить какие-нибудь фотографии, а еще будут чаевые...

– Но, папа, – возразила Кейти, широко раскрыв простодушные глаза, – я не рассчитывала на то, что ты дашь мне денег, и боюсь, ты даешь мне слишком много. Ты думаешь, что можешь позволить себе такой расход? Я, право же, ничего не хочу покупать. Я все увижу – и этого достаточно.

Папа только рассмеялся.

– Не пройдет и года, дорогая, как ты станешь мудрее и алчнее. На триста долларов, как ты выяснишь, не так уж много можно купить. Но это все, что я могу выделить для тебя, и надеюсь, твои расходы не превысят этой суммы и ты не вернешься домой с кучей счетов, которые я буду должен оплатить.

– Папа! Конечно же нет! – воскликнула Кейти с неподдельным ужасом.

Накануне путешествия предстояло произойти одному очень интересному событию, мысли о котором помогли и Кейти, и Кlover легче пережить последние трудные дни, когда приготовления к отъезду были почти завершены и у домашних появилось свободное время, чтобы приуныть и почувствовать себя не в духе. Кейти должна была побывать в гостях у Розы Ред.

Роза отнюдь не сидела сложа руки в те три с половиной года, что пролетели со дня, когда девочки расстались в Хилл-совере. За это время она успела куда больше, чем остальные: полтора года была помолвлена, вышла замуж, а теперь вела хозяйство в своем маленьком домике близ Бостона и имела свою собственную маленькую Розу, которая, как большая Роза, рассказывала Кlover в письмах, была сущим ангелом и так прелестна, что словами не описать! Миссис Эш взяла билеты на пароход «Спартак», отплывавший из Бостона, и было решено, что Кейти проведет последние два дня перед путешествием у Розы, в то время как миссис Эш и Эми навестят старую тетюшку в Хинхеме. Увидеть Розу, ее дом, ее мужа, ее малютку было почти так же интересно, как увидеть Европу. Ни одна из перемен в ее жизни, казалось, не изменила ее саму – если судить по письму, которым она ответила на записку Кейти, извещавшую о ее планах. В письме Розы говорилось:

*Лонгвуд, 20 сентября*

*Дражайшая детка!*

*Получила твою записку – и запрыгала от восторга, а потом ходила на голове, отчаянно дрыгая ногами в воздухе, пока Денистон не решил, что я, должно быть, вдруг сошла с ума; но когда я все объяснила, он сделал то же самое. Это просто сказочно – все вместе. Я ставлю это выше всех приятностей, какие только были в жизни, – кроме моей малютки. Как только получишь это письмо, сразу сообщи, каким поездом ты прибудешь в Бостон, и, подкатив к вокзалу, ты увидишь две фигуры – одну высокую и могучую, другую маленькую и полненькую, – ожидающие тебя на перроне. Это будут фигуры Денистона и моя. Денистон некрасивый, но положительный, и готов тебя обожать, Малютка и положительна, и красива, и ты будешь обожать ее. Я ни то, ни другое, но ты меня знаешь, и я всегда обожала тебя и буду обожать. В данную минуту я выхожу из дома и отправляюсь к мяснику, чтобы заказать упитанного тельца*



*специально к твоему приезду. Он будет зарезан и превращен в отбивные котлеты, как только я получу твою записку. Мой забавный – а вместе с тем и прелестный – маленький домик приобретает в моих глазах новый интерес из-за того, что его скоро увидишь ты. Он немного необычный – как и можно предположить, раз это мой домик, – но, думаю, тебе он понравится.*

*На днях я видела нашу Серебристую Мэри и сказала ей, что ты приезжаешь. Она все такая же мышка, как и была. Я приглашу ее и еще нескольких девочек к обеду, когда ты будешь здесь. До свидания, и полтора года поцелуев Кlover и остальным.*

*Преданная тебе*

*Роза Ред.*

– Я замечаю, что она никогда не подписывается своей новой фамилией – Браун, – сказала Кlover, дочитав письмо до конца.

– Роза Ред-Браун!<sup>17</sup> Это звучало бы слишком смешно! Розой Ред она должна оставаться до самого конца – никакое другое имя не подошло бы ей так хорошо, и я не могу представить чтобы она звалась иначе. Как это будет весело – увидеть ее и маленькую Розу!

– И Денистона Брауна, – вставила Кlover.

– Почему-то мне трудно осознать тот факт, что есть какой-то Денистон Браун, – заметила Кейти.

– Возможно, это окажется легче, после того как ты увидишь его.

И вот наступил последний день, как это всегда неизбежно происходит. Дорожный сундук, в который объединенными усилиями всей семьи были самым аккуратным и тщательным образом упакованы вещи Кейти, стоял в передней, запертый на замок и перетянутый ремнями, – его предстояло открыть, лишь когда путешественницы прибудут в Лондон. Последнее обстоятельство вызывало большой интерес к сундуку у Фила и Джонни, и даже Элси взидала на него с почтением. Чемодан также был готов, и Дорри, мастер на все руки, изобразил красные звездочки на обеих сторонах сундука и чемодана, чтобы их легко можно было отличить в куче багажа. Теперь он был занят изготовлением двух квадратных карточек, одну из которых, с надписью «Трюм», предстояло наклеить на сундук, а другую, с надписью «Каюта», на чемодан. Миссис Холл сказала, что так принято.

У миссис Эш также было много дел: она приводила в порядок дом к приезду семейства, которое сняло его на время, пока она будет в путешествии, и Кейти, и Кlover не раз отрывались от собственных приготовлений, чтобы помочь ей. Наконец все было сделано, и ясным октябрьским утром Кейти стояла на пристани на берегу озера в окружении родных, а комок в горле мешал ей заговорить с кем-либо из них. Она стояла так неподвижно и говорила так мало, что случайный наблюдатель, не знакомый с обстоятельствами, мог бы назвать ее «бесчувственной», в то время как на самом деле ее слишком переполняли чувства!

На пароходе ударили в колокол. Кейти сдержанно поцеловала братьев и сестер и поднялась на борт вместе с папой. Ее прощание с ним, самое трудное, прошло в самой гуще толпы, а затем ему пришлось покинуть Кейти. Когда колеса парохода начали вращаться, она вышла на боковую палубу, чтобы в последний раз взглянуть на родные лица. И вот они: Элси, уткнувшаяся головой в рукав папиного пальто и отчаянно плачущая; Джонни, смеющаяся или пытающаяся смеяться, но с катящимися по щекам крупными слезами; мужественная маленькая Кlover, бодро машущая платком, но с очень печальным выражением лица. Вид этой группки заставил сердце Кейти дрогнуть от неожиданно нахлынувших сожалений и тоски. Зачем она согласилась ехать? Что вся Европа в сравнении с тем, что она покидает? Жизнь так коротка, как могла она решиться вырвать из нее целый год, чтобы провести его

---

<sup>17</sup> Red – красный, Brown – коричневый (англ.).

вдали от тех, кого любила больше всего на свете? Если б она могла выбирать, то, думаю, тут же бросилась бы обратно на берег и отказалась бы от путешествия. Я также думаю, что чуть позже она всей душой сожалела бы о таком поступке.

Но у нее не было выбора. Стук паровых машин становился все более размеренным, а разрыв между бортом парохода и пристанью все более широким, и когда развевающийся платочек Кlover стал неразличимым пятнышком вдали, Кейти с тяжелым сердцем направилась в каюту. Но там были миссис Эш и Эми, тоже готовые предаться тоске по дому и нуждающиеся в ободрении. И, стараясь развеселить их, Кейти постепенно сама стала веселее и вновь обрела свою обычную бодрость. Бернет притягивал к себе с меньшей силой, по мере того как удалялся, а Европа казалась более манящей теперь, когда их пароход был на полном ходу. Светило солнце, озеро было ослепительно голубым, и Кейти сказала себе: «В конце концов, год – это не такой уж долгий срок, а какие радости ждут меня!»

## Глава 3

### Роза и Розовый Бутон

Тридцать шесть часов спустя поезд из Олбани, плавно промчавшись по зеленым равнинам за плотиной Милл-Дэм, доставил путешественниц в Бостон.

Кейти смотрела в окно, горя желанием поскорее увидеть город, о котором слышала так много. «Милый маленький Бостон! Как приятно снова его увидеть!» – услышала она слова сидевшей рядом дамы, но на каком основании его можно было назвать «маленьким Бостоном», ей было совершенно непонятно. Из окна поезда он казался большим, внушительным и очень живописным, особенно после Бернета, расположенного на равнине, отлого спускающейся к кромке озера. Она разглядывала башни, шпили и красные крыши, громоздящиеся друг над другом на склонах Три-Маунтин, и возвышающийся надо всем огромный купол здания Законодательного собрания – и про себя решила, что Бостон нравится ей больше любого другого города, какой она только видела.

Поезд сбавил скорость, несколько минут шел между высокими обшарпанными кирпичными стенами, а затем с заключительным, долгим и хриплым свистком остановился в здании вокзала. Все пассажиры одновременно бросились к двери – и Кейти, и миссис Эш, задержавшиеся, чтобы собрать свои книжки и саквояжи, обнаружили, что втиснуты в свои сиденья и не могут выбраться. Это была минута замешательства – не очень приятная; такие минуты никогда не бывают приятными. Но чувство неловкости сменилось чувством облегчения, когда, выглянув в окно, Кейти увидела прямо напротив прелестное лицо – обрамленное светлыми вьющимися волосами, свежее, хорошенькое, румяное, с ямочками на щеках и полными смеха и радушия глазами, которые, очевидно, уже заметили Кейти. Это была Роза, собственной персоной, ничуть не изменившаяся за те годы, что они не виделись. Рядом с ней стоял высокий молодой человек, по всей вероятности ее муж – Денистон Браун.

– Это Роза Ред! – воскликнула Кейти, обращаясь к миссис Эш. – Какая она милая и непринужденная, правда? Подождите, позвольте мне представить вас. Я хочу, чтобы вы познакомились с ней.

Но поезд пришел в Бостон с небольшим опозданием, и миссис Эш боялась не успеть на пароход в Хинхем, так что она лишь бросила из окна быстрый взгляд на Розу, объявила, что та очаровательна, торопливо поцеловала Кейти, напомнила ей, что в субботу, ровно в двенадцать, они должны быть на пароходе, и ушла, взяв за руку Эми, так что Кейти, самая последняя в медленно движущейся цепочке пассажиров, шагнула на платформу совсем одна и сразу попала в объятия Розы Ред.

– Милочка! – приветствовала ее Роза. – Я уже начала бояться, что ты собираешься заночевать в вагоне, – так долго ты выбиралась. Как же чудесно, что ты здесь! Денистон, это Кейти; Кейти, это мой муж.

Говорившей это Розе на вид было не больше пятнадцати лет, и она казалась такой до нелепости юной, чтобы иметь мужа, что Кейти не могла удержаться от смеха, когда обменялась рукопожатием с Денистоном. Его глаза тоже весело поблескивали – очевидно, его смешило то же, что и Кейти. Это был высокий молодой человек с приятным, спокойным лицом, и его, похоже, бесконечно забавляло – хоть он и сохранял сдержанность – все, что говорила и делала его жена.

– Давайте поскорее выберемся из этой дыры, – продолжила Роза. – Я почти ничего не вижу среди этого дыма. Денистон, дорогой, пожалуйста, найди кеб, и пусть в него погрузят багаж Кейти. Я жажду поскорее привезти ее к нам и показать ей малютку, прежде чем та сжует свой новый атласный пояс или сделает еще что-нибудь ужасное и испортит свою

внешность. Я оставила ее, Кейти, сидящей в лучшем наряде – во всем великолепии и в ожидании того момента, когда она будет представлена тебе.

– Мой большой дорожный сундук должны переправить прямо на пароход, – объяснила Кейти, передавая багажную квитанцию мистеру Брауну. – Так что, пожалуйста, пусть в Лонгвуд доставят только маленький чемодан.

– Ну вот, как тут уютно! – заметила Роза, когда они уселись в кеб и саквояж Кейти стоял у них в ногах. – Денистон, любовь моя, я хотела бы, чтобы ты ехал с нами. Тут есть хорошенькая маленькая скамеечка, как раз для мужчины твоего роста. Не хочешь? Ну, тогда возвращайся первым же поездом. Не забудь... Ну как, разве он не такой очаровательный, как я тебе говорила? – спросила она, едва лишь кеб тронулся с места.

– Да, он действительно очень симпатичный, насколько я могу судить после трех с четвертью минут знакомства.

– Дорогая моя, всякому, даже не обладающему исключительной проницательностью, не должно потребоваться и минуты с четвертью, чтобы понять, что Денистон – самый славный малый, какой только когда-либо жил на свете, – заявила Роза. – Я обнаружила это через три секунды после того, как впервые увидела его, и не успел он еще закончить свой поклон, когда нас представили друг другу, как я уже была в него отчаянно влюблена.

– А он был так же скор? – спросила Кейти.

– Он уверяет, что так, – мило покраснев, ответила Роза, – но как он может говорить иначе после моего такого откровенного признания? Делать вид, что это именно так, – знак элементарной порядочности с его стороны, пусть даже он и говорит неправду. Ну а теперь, Кейти, взгляни на Бостон, разве можно не полюбить его!

Кеб уже повернул на Бойлстон-стрит, и по правую руку от них раскинулся Коммон<sup>18</sup> – большой парк, по-летнему зеленый после недавних дождей, с развесистыми вязами, все еще покрытыми листвой. Длинные косые лучи осеннего послеполуденного солнца пробивались сквозь ветви и падали на дерн и дорожки, где прогуливались и сидели взрослые и весело играли дети. Это было чудесное зрелище, и у Кейти осталось впечатление простора, радости и свежести, которое потом всегда ассоциировалось у нее с Бостоном.

Розу вполне удовлетворили выражения восторга, вырывавшиеся у Кейти, пока кеб ехал по Чарлз-стрит, между парком и городским садом, пламенеющим осенними цветами, а затем вдоль Бикен-стрит, где между красивыми домами виднелась сверкающая голубая полоса залива. Каждый парадный вход и эркер оживляли растения в горшках и ящики с цветами; и множество веселых, беззаботных людей пешком, верхом и в экипажах перемещалось туда и сюда, словно легкие волны спокойного моря, а солнце своим сиянием придавало великолепие всей этой картине.

– «Бостон показывает свою нежную венецианскую сторону», – процитировала Кейти. – Теперь я знаю, что хотел сказать мистер Лоуэлл<sup>19</sup>, когда написал это. Не думаю, что есть на свете место красивее, чем Бостон.

– Конечно нет, – решительно заверила Роза, которая оставалась преданной маленькой бостонкой, несмотря на то что почти всю жизнь провела в Вашингтоне. – Я, разумеется, видела не так уж много городов, но это неважно – я все равно знаю, что это правда. Поселиться здесь – мечта моей жизни. Неважно, в каком квартале, лишь бы в Бостоне.

– Но разве тебе не нравится Лонгвуд? – удивилась Кейти, с восхищением глядя на хорошенькие загородные домики в зелени кустов и вьющихся растений, стоящие вдоль дороги, по которой теперь ехал кеб. – Он кажется таким красивым и привлекательным.

---

<sup>18</sup> Коммон – название зеленого массива во многих городах США и Англии, первоначально являвшегося общинной землей.

<sup>19</sup> Лоуэлл Джеймс (1819–1891) – американский поэт и критик.

– Да, он неплох для тех, кого влекут красоты природы, – отозвалась Роза. – Меня не влекут; никогда не влекли. Я ни к чему не испытываю такого отвращения, как к Природе! Я прирожденная горожанка. По мне, лучше жить в маленькой комнатухе на Джордане или Марше и видеть, как живет мир, чем быть владелицей самого романтического загородного особняка, где бы он ни был расположен.

Тем временем кеб свернул в ворота, покатил по дугообразной подъездной дорожке, обсаженной деревьями, к хорошенькому каменному домику и остановился возле крыльца, увитого диким виноградом.

– Вот мы и приехали! – воскликнула Роза, выпрыгивая из кеба. – Ну, Кейти, ты не должна терять время даже на то, чтобы присесть, прежде чем я покажу тебе самую восхитительную малютку, какая когда-либо являлась на эту грешную землю. Дай-ка твой саквояж. Пойдем прямо наверх, и ты ее увидишь.

Вдвоем они побежали наверх, и Роза ввела Кейти в большую солнечную детскую, где в маленьком плетеном креслице, перевязанном поперек розовыми ленточками, под наблюдением красивой молоденькой няни сидела прелестная, пухленькая, беленькая малышка – точная копия Розы в миниатюре, так что ни у кого не могло бы возникнуть сомнений относительно степени их родства. Едва увидев свою веселую юную маму, малышка принялась смеяться и гукать, а на румяной щечке появилась точно такая же ямочка, как у Розы. Кейти была очарована.

– Ах ты прелесть! – воскликнула она. – Как ты думаешь, Роза, пойдет она ко мне на руки?

– Ну конечно пойдет! – отвечала Роза, хватая крошку, точно это была подушка, и толкая ее головой вперед в объятия Кейти. – Ну, только посмотри на нее и скажи мне, видела ли ты за всю свою жизнь что-нибудь более обворожительное? Крупная, правда? Красивая, правда? Милая, правда? Ты только посмотри, какие у нее маленькие ручки, какие волосики! Она никогда не плачет, кроме тех случаев, когда заплакать – ее прямой долг. Смотри, как она поворачивает головку, чтобы взглянуть на меня! Ах ты ангел! – И, схватив долготерпеливую малютку, она чуть не задушила ее поцелуями. – Никогда, никогда, никогда не видела ничего милее! Понюхай ее, Кейти! Райский запах, правда?

Маленькая Роза действительно была прелестным ребенком, добродушным, пухленьким – сплошь ямочки и фиалковая пудра – с кожей нежной, как лепесток лилии, и со счастливой способностью без возражений позволять осыпаться ласками и обнимать. Кейти не хотелось выпускать ее из рук, но на это Роза ни в коем случае не могла согласиться; могла сказать сразу, что обе они потратили значительную часть того времени, которое Кейти провела в Лонгвуде, на борьбу за владение малюткой, которая смотрела на них и улыбалась победительнице – кто бы этой победительницей ни оказался – с философским спокойствием Елены Прекрасной<sup>20</sup>. Девочка была такой послушной, веселой и спокойной, что ухаживать за ней и развлекать ее было не труднее, чем играть с птичкой или с котенком, но, как заметила Роза, «в сто раз интереснее».

– В детстве мне никогда не давали столько кукол, чтобы я могла вволю наиграться, – сказала она. – Вероятно, я слишком быстро их ломала, а оловянных кукол не было; с мисками было проще: мне стали давать оловянные, когда я перебила фарфоровые.

– Неужели ты была такой нехорошей девочкой? – улыбнулась Кейти.

– О, крайне испорченной! Теперь трудно этому поверить, правда? Я помню некоторые возмутительные случаи из моей школьной жизни. Однажды мне закрыли лицо моим передничком и закололи его на затылке, так как я корчила рожи другим ученицам и смешила

---

<sup>20</sup> Елена Прекрасная – славившаяся красотой жена спартанского царя Менелая, была похищена троянским царевичем Парисом, что якобы послужило поводом к Троянской войне.

весь класс. Но я быстро прокусила окошко в переднике и высовывала оттуда язык, пока все не стали хохотать пуще прежнего. Обычно учительница отправляла меня домой с приколотой к переднику запиской, в которой было что-нибудь вроде этого: «Маленькая Резвушка доставила сегодня больше хлопот, чем обычно. Она ущипнула каждую из младших и сбила набок шляпку каждой из старших. Мы надеемся на скорое исправление, а иначе не знаем, что нам делать».

– Почему тебя называли Маленькой Резвухой? – спросила Кейти, отсмеявшись над воспоминаниями Розы.

– Я полагаю, что это было ласковое прозвище, но почему-то моих родных оно никогда не радовало, как должно было бы радовать. Не могу понять, – продолжила она задумчиво, – почему у меня не хватало ума скрыть от домашних эти ужасные записки. Было так просто потерять их по дороге домой, но почему-то со мной этого никогда не случалось. Маленькая Роза будет благоразумнее, правда, мой ангел? Она будет рвать эти отвратительные записки – мамочка покажет ей, как это делается!

Все время, пока Кейти умывалась и чистила платье от дорожной пыли, Роза сидела рядом с малюткой на коленях, чтобы подруга не скучала. А когда Кейти была наконец готова, забавная маленькая мама подхватила ребенка под мышку и повела гостью в большую квадратную гостиную с эркером, залитую лучами склоняющегося к западу солнца. Комната производила приятное впечатление; в ней было, как объявила Кейти, что-то «очень напоминающее саму Розу». Никто другой не повесил бы так картины, не подвязал лентами раздвинутые шторы и не догадался заполнить пространство между прутьями каминной решетки светлорыжевато-коричневыми, золотистыми и оранжевыми бархатцами, чтобы изобразить огонь – от настоящего огня было бы слишком жарко в такой теплый вечер. Моррисовские обои<sup>21</sup> и мебельный ситец «художественных» оттенков в тот период еще не вошли в моду, но вкусы Розы обогнали время, и, в предзнаменование грядущего стиля ретро, она выбрала желтовато-зеленоватые обои для стен, на которых висели различные предметы, выглядевшие тогда куда более странно, чем выглядели бы они теперь. Там была мандолина, купленная на какой-то распродаже, блестящая металлическая грелка с чердака миссис Реддинг, две старинные, немного полинявшие вышивки шелком и множество ярко раскрашенных японских вееров и ковриков. У старой тетушки с Беверли-Фармз Роза выпросила пару необычных маленьких деревянных кресел, выкрашенных белой краской и в старинных вышитых чехлах. На мягкой спинке одного из них было вышито «*Chit*», на другом – «*Chat*»<sup>22</sup>. Они стояли с двух сторон от камина, наводя на мысль о дружеской беседе.

– Ну, Кейти, – сказала Роза, усаживаясь в «*Chit*», – придвинь «*Chat*», и начнем.

И они начали и продолжали, прерываемые лишь лепетом малышки Розы, пока не наступили сумерки, а из задней части дома не донеслись аппетитные запахи и щелчок замка не объявил о прибытии мистера Брауна, который вернулся домой как раз к обеду.

Два дня визита пролетели, к сожалению, чрезвычайно быстро. Нет ничего более занимательного и привлекательного для девушки, чем *ménage*<sup>23</sup> молодых супругов ее возраста. Это что-то вроде игры в настоящую жизнь – но без тех забот и того чувства ответственности, которые непременно приносит настоящая жизнь. Роза была любительницей приключений, положение домохозяйки было все еще новым для нее, и она находила его очень интересным и с удовольствием проводила всевозможные эксперименты. Если они оказывались удачными, это было отличное развлечение, если нет – еще забавнее! Ее муж, при всех своих

<sup>21</sup> Моррисовские обои – обои по рисункам художников-праерафаэлитов, пропагандировавших во второй половине XIX в. возврат к старым (существовавшим до Рафаэля) канонам и технике живописи и прикладного искусства. Во главе этого течения стоял английский писатель и художник Уильям Моррис (1834–1896).

<sup>22</sup> Chit-chat – болтовня, беседа о том о сем (англ.).

<sup>23</sup> Домашнее хозяйство (франц.).

солидных манерах, сохранял чисто мальчишескую любовь к шалостям. Он подбивал Розу на разнообразные проделки и помогал в их осуществлении. Они держали собачку – милее которой была лишь малютка – и кошечку – милее которой была лишь собачка, и попугая, чье воспитание требовало постоянного внимания, и пару голубков в клетке, меланхолическое «уханье» и воркование которых приводило Розу в восторг. Весь дом, казалось, кипел юной жизнью. Единственным немолодым существом в нем была кухарка, известная своим тяжелым характером, – да только, вот беда, Роза так часто смешила ее, что совсем не оставалось времени сердиться.

Среди всего этого движения, оживления, веселья Кейти чувствовала себя умудренной опытом особой в годах. Ей казалось, что, вероятно, никто на свете не проводит время в своем доме так весело, как Роза, но Роза не разделяла такого взгляда на свое положение.

– Сейчас, пока стоит теплая погода, все замечательно, – сказала она, – но зимой Лонгвуд просто отвратителен. Ветер не стихает ни днем ни ночью. Он завывает, он ревет, он стонет – пока я не начинаю чувствовать себя так, словно все нервы в моем теле вот-вот не выдержат и разорвутся. И снег, бррр! И ветер, бррр! И воры! Что ни ночь, они приходят – или я думаю, что они приходят, – и я лежу без сна и слышу, как они точат свои инструменты, взламывают замки, убивают кухарку и крадут малютку – и так, пока мне не захочется умереть и навсегда покончить с этим! О, Природа – вещь крайне неприятная!

– Воры не Природа, – возразила Кейти.

– А что же они тогда? Искусство? Высокое искусство? Ну, чем бы они ни были, я их не люблю. Ах, если когда-нибудь придет счастливый день и Денистон согласится переехать в город, в жизни даже не взгляну больше на деревню! Разве что... ну да, я хотела бы приехать потом сюда еще один раз и *пнуть* этот вяз у забора! Сколько ночей я лежала без сна, слушая его скрип!

– Ты можешь пнуть его, не ожидая, когда у тебя появится дом в городе.

– Я не осмелюсь, пока мы живем здесь! Никогда не знаешь, что может выкинуть Природа. Она всегда настоит на своем, даже когда это касается людей, – внушительным тоном заметила Роза.

По мнению Розы, следовало, не теряя времени, показать Кейти Бостон. Поэтому на другой день после приезда гостью с утра пораньше повезли осматривать достопримечательности – в те времена Бостон был не так богат ими, как теперь: Музей изящных искусств<sup>24</sup> был едва лишь заложен, новую церковь св. Троицы<sup>25</sup> еще только предстояло возвести, но бронзовая статуя Бетховена и большой орган были в расцвете своей славы, и ежедневно, ровно в полдень, кое-какая публика забредала в Концертный зал послушать замечательный инструмент. Кейти побывала на таком импровизированном концерте, а также в Фанейль-холле, Атенеуме, и на кладбище Грэнери, и в церкви Олд-Саут<sup>26</sup>. Затем девушки посетили несколько магазинов и наконец почувствовали себя достаточно уставшими и проголодавшимися, чтобы найти привлекательной мысль о втором завтраке. По одной из дорожек они пересекли Коммон и оказались на Джой-стрит.

Кейти была очарована всем увиденным. Ее поражало то, что вокруг, так близко, было столько интересного. Ей стала очевидна одна из главных прелестей Бостона – а именно

<sup>24</sup> Бостонский музей изящных искусств был основан в 1870 г.

<sup>25</sup> Церковь св. Троицы (Тринити-черч) была возведена в 1873–1877 гг.

<sup>26</sup> Фанейль-холл – административное здание, выстроенное на свои средства и подаренное городу местным торговцем Питером Фанейлем в 1742 г. Фанейль-холл часто называют «колыбелью американской свободы», так как в период войны американских колоний за независимость от Англии (1775–1783) он служил местом проведения собраний и встреч революционно настроенных бостонцев. Атенеум – крупнейшая бостонская библиотека, одно время ей принадлежала большая картинная галерея, ставшая позднее ядром коллекции Музея изящных искусств. Кладбище Грэнери – место захоронения многих именитых бостонцев. Олд-Саут – церковь, построенная в 1729 г.; известна как место ведения множества собраний против британской колониальной политики в Америке.

то, что Коммон и прилегающие к нему улицы образуют естественный центр и нечто вроде главного пункта сбора для всего города, подобно тому как сердце является центром тела, поддерживает непосредственную связь со всеми конечностями и контролирует их жизнедеятельность. Величественные старые дома на Бикон-стрит, с их закругленными фасадами, глубокими створчатыми окнами и вставленными кое-где в оконный переплет розоватыми или лиловыми стеклами, поразили ее воображение; восхитило ее и здание Законодательного собрания, местоположение которого делало его весьма внушительным даже в то время, хотя его купол еще не был покрыт позолотой.

Поднимаясь по крутым ступеням Джой-стрит-Молл, они дошли до дома на Маунт-Вернон-стрит – дома, в котором поселились Реддинги почти три года назад, по возвращении из Вашингтона. Во время прогулки Роза уже успела показать Кейти старый семейный дом на Саммер-стрит, в котором она, Роза, родилась и который теперь целиком был отдан под склады и магазины. Ныне же Реддинги занимали один из тех больших старинных домов на гребне горы, из окон которых открывается вид на горную часть Бостона. За домом располагался просторный двор – настолько большой, что почти заслуживал название «сад», – обнесенный стеной, увитой плющом и диким виноградом, в тени которых протянулись клумбы с розами, хризантемами, бархатцами и резедой.

Ключ от дверей дома Роза носила в кармане – она сказала, что он был одним из полученных ею свадебных подарков. Этим ключом она открыла парадную дверь и ввела Кейти в просторную переднюю с выкрашенными в белый цвет стенами.

– Мы пройдем прямо на заднее крыльцо. Мама наверняка там. Она всегда сидит на крыльце – до первых морозов. Она говорит, что это напоминает ей сельскую местность. До чего же люди разные! Я и думать не желаю о сельской местности, а мне не дают ни на минуту забыть о ней. А мама так любит это крыльцо и сад.

И действительно, на заднем крыльце они нашли миссис Реддинг. Она сидела в тени плюща на плетеном стульчике, рядом с которым стояла большая корзинка с вещами для починки и штопки. Это был столь неожиданно домашний, деревенский вид – женщина за таким занятием в центре шумного, оживленного города, – что Кейти сразу почувствовала к ней нежность.

Миссис Реддинг была белокурая женщина, невысокая, едва ли выше Розы, и очень похожая на нее. Она очень радушно приняла Кейти.

– Вы не кажетесь посторонней, – сказала она. – Роза так много рассказывала нам о вас и вашей сестре. Сильвия будет очень огорчена тем, что не смогла встретиться с вами. Она уехала с визитами в деревню и вернется домой не раньше чем недели через три.

Кейти тоже была огорчена. Она много слышала о Сильвии и очень хотела познакомиться с ней. Увидев портрет Сильвии, Кейти заключила, что та совсем не похожа на Розу. Хотя обе сестры были блондинками, величественная красота высокой Сильвии ничем не напоминала румяную и пухлую прелесть Розы. Дело было в том, что Роза походила на мать, а Сильвия на отца; сходство между ними проявлялось лишь в некоторых характерных особенностях звучания голоса и в манерах, но портрет не позволял Кейти судить об этом сходстве.

Роза и Кейти приятно позавтракали в обществе миссис Реддинг, после чего Роза повела подругу осматривать дом и все то в нем, что было так или иначе связано с историей ее собственной жизни: комнату, где она раньше спала, высокий стульчик, на котором она сидела в раннем детстве и который предстояло теперь передать маленькой Розе, диван, сидя на котором Денистон сделал ей предложение, и то самое место на ковре, где она стояла во время церемонии бракосочетания! И наконец...



– Теперь ты увидишь самое замечательное и дорогое из всего, что есть в этом доме, – сказала она, открывая дверь одной из комнат на втором этаже. – Бабушка, это моя подруга Кейти Карр, о которой я тебе так часто рассказывала.

Комната была большая, очень приятная, с поблескивающим ярким огнем в камине, возле которого на маленьком столике лежала доска для пасьянса, а в кресле, обложенная подушками, сидела милая старая леди. Это была бабушка Розы по отцу. Почти восьмидесятилетняя, она была все еще красива, а ее манеры отличались полной очарования старомодной учтивостью. Год назад она упала из опрокинувшегося экипажа и с тех пор не могла спускаться вниз и принимать участие в событиях семейной жизни.

– Они приходят сюда, вместо того чтобы мне спускаться вниз, – сказала она Кейти. – У меня нет недостатка в приятном обществе; все очень добры ко мне. Каждый день на два часа ко мне приходит чтица, и сама я иногда немного читаю или раскладываю пасьянс – развлечений хватает.

Было что-то успокоительное в созерцании такой прелестной представительницы старого поколения. Глядя на нее, Кейти осознала, как много потеряла в жизни она сама оттого, что не знала никого из своих дедушек и бабушек. Она сидела и смотрела на старую миссис Реддинг со смешанным чувством сожаления и восхищения. Ей очень хотелось держать ее за руку, целовать, играть ее красивыми серебристыми волосами – как это делала Роза. Роза явно была любимицей старой леди. Они были в самых близких отношениях, и Роза смеялась, и бросала лукавые взгляды, и говорила дерзости, и рассказывала обо всех своих маленьких приключениях и о том, как растет малютка, и шутила, и болтала глупости, так же непринужденно, как и с любой особой своего возраста. Это были восхитительные родственные отношения.

– Я вижу, что ты понравилась бабушке, – сказала она Кейти, когда девушки ехали обратно в Лонгвуд. – Она всегда охотно знакомится с моими подругами, и обо всех у нее свое собственное мнение, поверь мне.

– И ты действительно думаешь, что я ей понравилась? – с теплым чувством в душе спросила Кейти. – Я очень рада, если это так, ведь я чувствую, что сама полюбила ее. Никогда прежде я не видела такого по-настоящему красивого старого человека.

– Второй такой на свете нет! – заявила Роза. – Не могу представить, что было бы без нее. – Веселое личико Розы стало печальным и серьезным. – Хорошо бы, она не была такой старенькой, – добавила она со вздохом. – Если бы только мы могли сделать ее лет на двадцать моложе! Тогда она, возможно, прожила бы столько же, сколько я.

Но увы! Нельзя перевести назад стрелки на циферблате времени, как бы сильно мы этого ни желали.

Второй день визита Кейти был отведен званому обеду, о котором упоминала в своем письме Роза и который был задуман как встреча членов ОИЛ.

Роза пригласила всех бывших учениц школы в Хиллсвере, с которыми удалось связаться. Ими оказались Мэри Силвер, разумеется, и Эстер Дирборн, жившие в Бостоне, а также Элис Гиббонс, по счастливой случайности гостившая как раз в это время у Эстер, и Эллен Грей, которая приехала из Уолтхема, где ее отец незадолго до того получил приход. Так что всего присутствовало шесть из девяти основательниц Общества, и сам Квaker-коридор никогда не слышал более веселой болтовни, чем та, что оглашала прелестную гостиную Розы в первый час после прибытия гостей.

Обо всех надо было спросить, обо всем рассказать. Все девочки казались Кейти на удивление неизменившимися, но они заявили, что нашли ее очень взрослой и солидной.

– Очень странно, если это так, – заметила она. – Кlover никогда мне об этом не говорила. Но может быть, она тоже стала солидной.

– Глупости! – вскричала Роза. – Кlover способна быть солидной не больше, чем на это способна моя малютка. Мэри, сию же минуту отдай мне ребенка! В жизни не видела такой жадины, как ты: вот уже по меньшей мере четверть часа, как ты ни с кем ею не поделилась, и это нечестно.

– О, прошу прощения! – ответила Мэри, смеясь и прикрывая рот рукой, смущенно и почти испуганно, точно так, как делала это и раньше.

– Нам не хватает только миссис Нипсон, чтобы наша маленькая компания была в полном составе, – продолжила Роза, – или дорогой мисс Джейн! Кстати, что стало с мисс Джейн? Кто из вас знает?

– Она по-прежнему преподает в Хиллсвере и ждет своего миссионера! Он так и не вернулся. Берри Сирлс говорит, что когда ее миссионер выходит на прогулку, то всегда идет в сторону от Соединенных Штатов, чтобы не сокращать разделяющее их расстояние.

– Как нехорошо! – сказала Кейти, хотя тоже не смогла удержаться от смеха. – Мисс Джейн была довольно милой... нет, не то чтобы *милой*, но были у нее и хорошие качества.

– Были? Никогда не замечала, – иронически возразила Роза. – Для того чтобы это заметить, нужны такие глаза, как твои: «лупы сверхсильные, с увеличением в два миллиона раз». Что касалось меня, то она всегда была сплошь зубы и когти. Но, думаю, она действительно питала слабость к тебе, Кейти, и это единственное хорошее, что мне о ней известно.

– А куда делась Лили Пейдж? – спросила Эллен.

– Она в Европе вместе с матерью. Думаю, Кейти, вы с ней встретитесь там, и какое же это будет удовольствие! А про Беллу вы слыхали? Она преподает в школе на индейской территории<sup>27</sup>. Только вообразите, эта малявка – учительница!

– А это не опасно? – спросила Мэри Силвер.

– Опасно? Для ее учеников, ты хочешь сказать? Ах, из-за индейцев! Ну что ж, если она осталась верна своей любимой помаде для волос, ее скальп будет легко опознать; это единственное утешение! – заявила неисправимая Роза.

Это и в самом деле был веселый обед – так, похоже, считала маленькая Роза, которая смеялась и беспрестанно что-то лепетала. Подруги были в восторге от нее и без голосования, на основании единодушного одобрения объявили ее почетным членом ОИЛ. За ее здоровье со всеми почестями выпили минеральной воды, а Роза в шутливой речи поблагодарила присутствующих. Девушки рассказали друг другу о том, что произошло с ними за эти три года; но было странно, как, в сущности, мало большинство из них могли о себе рассказать. Хотя, возможно, причина заключалась в том, что они говорили далеко не всё; так, Элис Гиббоне шепотом сообщила Кейти, что, по ее подозрениям, Эстер помолвлена, и в ту же минуту Эллен Грей потрясла Розу известием о том, что некий студент-богослов из Эндовера<sup>28</sup> «очень ухаживает» за Мэри Силвер.

– Дорогая моя, я не верю, – заявила Роза. – Даже студент-богослов и тот не осмелился бы! А если б и осмелился, то я совершенно уверена, что Мэри сочла бы это крайне неприличным. Ты, Эллен, должно быть, ошибаешься.

– Нет, не ошибаюсь. Этот студент-богослов – мой троюродный брат, и его сестра все мне рассказала. Они не помолвлены, но она не сказала «нет», так что он надеется, что она все-таки скажет «да».

– О, она никогда не скажет «нет», но и «да» она тоже никогда не скажет! Ему лучше принять ее молчание за знак согласия. Вот уж не думала, что доживу до того, чтобы увидеть

---

<sup>27</sup> В соответствии с законодательным актом 1834 г. на землях, ныне входящих в штат Оклахома, была создана «индейская территория», отведенная нескольким племенам индейцев, где было запрещено создавать поселения белым жителям США. Однако постепенно белые поселенцы все же проникали на эти индейские земли, а в 1889 г. запрет на создание поселений был снят.

<sup>28</sup> Один из старейших богословских институтов в США; основан в 1807 г.

Мэри Силвер замужем. Скорее уж я могла ожидать, что тридцать девять догматов<sup>29</sup> предадутся флирту. Впрочем, она такая милая – золотой человек. Я буду считать, что твоему троюродному брату очень повезло, если он сумеет уговорить ее.

– Интересно, Кейти, где будем все мы к тому времени, когда ты вернешься, – сказала Эстер Дирборн, когда девочки прощались у ворот. – Год – очень долгий срок; самые разные события могут произойти за год.

Эти слова все еще звучали в ушах Кейти, когда она засыпала в ту ночь. «Самые разные события могут произойти за год, – думала она, – и не все оказаться радостными». Она почти пожалела о том, что ей вообще пришлось в голову согласиться ехать в Европу!

Но когда на следующее утро она проснулась, ее ждал ясный из октябрьских дней. С безоблачного неба сияло яркое солнце, и дурные предчувствия исчезли сами собой. Более приятного дня для отплытия и быть не могло.

В город они с Розой отправились пораньше, так как накануне старая миссис Реддинг взяла с Кейти обещание, что перед отъездом та зайдет к ней на несколько минут – попрощаться. Они застали ее сидящей, как обычно, у камина, хотя окна были открыты и в комнату лился согретый солнцем воздух. На столике стояла маленькая корзинка с виноградом, а на ней – букет чайных роз. Это был подарок от матери Розы, который Кейти предстояло взять с собой на борт парохода. А рядом с корзинкой лежало еще что-то – маленький сверточек в тонкой белой бумаге.

– Это мой прощальный подарок, – сказала добрая старая леди. – Не разворачивай сейчас. Подожди, пока будешь в море. И купи на это какую-нибудь маленькую вещицу в Европе на память обо мне.

Благодарная и недоумевающая, Кейти положила маленький сверточек в карман, а затем с поцелуями и добрыми пожеланиями она и ее новые друзья попрощались. Кейти и Роза сели в экипаж и поехали на пристань, остановившись по пути, чтобы взять с собой мистера Брауна. Они немного запоздали, так что времени для прощания оставалось мало, но Роза все же сумела улучшить минутку для секретной беседы со стюардшей, которой предстояло обслуживать пассажиров в каютах. Кейти, занятая разговором с миссис Эш и Эми, ничего не заметила.

Ударили в колокол, и огромный пароход медленно попятился, затем развернулся носом в сторону моря и пошел по заливу, оставив Розу и ее мужа на пирсе, все еще машущих носовыми платками. Кейти не отрывала от них взгляда, а когда стало невозможно различить их вдаль, почувствовала, что оборвалась последняя нить, связывавшая ее с домом.

И только тогда, когда она разложила свои вещи в маленькой каюте, которой предстояло быть ее домом на протяжении следующих десяти дней, убрала для сохранности свою шляпку и платье на верхнюю койку, прибила к стене свой красно-желтый мешочек с карманами и надела шерстяное платье, свободное дорожное пальто и мягкую фетровую шляпу, которые должны были послужить ей в пути, – только тогда нашла она время, чтобы заглянуть в таинственный сверточек.

Подумать только! Это была большая, красивая золотая двадцатидолларовая монета!

– Какая милая, добрая старая леди! – сказала Кейти и поцеловала монету. – Да как она такое придумала? Не знаю, есть ли в Европе что-нибудь, на что стоит потратить эти деньги?

---

<sup>29</sup> Имеются в виду тридцать девять догматов англиканского вероисповедания.

## Глава 4

### На «Спартаке»

Очень скоро дорожное пальто и фетровая шляпа снова оказались сняты, так как в море путешественников поджидал встречный ветер и «Спартак» начал испытывать сильную килевую качку. Все непривычные к морю пассажиры были рады укрыться в каютах и упасть в свои койки. Миссис Эш и Эми были среди первых жертв морской болезни, а Кейти, после того как помогла им устроиться в их каюте, почувствовала такое головокружение и дурноту, что, не в силах сидеть ни минутой дольше, поспешила в собственную каюту.

По мере того как приближалась ночь, ветер и волнение на море все усиливались. «Спартак» пользовался дурной славой ужасного «укачивателя» и, казалось, был твердо намерен оправдать свою репутацию в этом плавании. Вниз, вниз, вниз скользил огромный корпус судна, пока у Кейти не захватывало дух от страха, что он, может быть, никогда не выпрямится, затем медленно, очень медленно корпус начинал подниматься и двигался вверх, вверх, вверх, пока наклон в противоположную сторону не становился столь же пугающим. В общем и целом, Кейти предпочитала, чтобы та сторона корабля, где находилась ее каюта, перемещалась вниз, так как тогда легче было удержаться в койке – иначе ей постоянно грозила опасность вывалиться на пол. Ночь казалась бесконечной, так как Кейти слишком боялась падения, чтобы заснуть по-настоящему, и спала лишь урывками. А когда забрезжил рассвет и она взглянула на море через маленькое круглое стекло иллюминатора, перед ее глазами предстали только серые бушующие волны, серое небо, летящие брызги и дождь.

«Боже мой, и зачем это люди пускаются в плавание по морю, если у них нет такой необходимости?» – вяло подумала она. Ей хотелось встать и пойти к миссис Эш – узнать, как пережили ночь в той каюте, но при попытке двинуться с места она ощутила такую дурноту, что была рада снова упасть на подушки.

В каюту заглянула стюардша и предложила чай с жареными хлебцами, сама мысль о которых была просто отвратительна для Кейти, и сообщила, что другой леди «ужасно плохо, хуже, чем вам, мисс», а маленькая девочка «хизрядно разбушевалась в верхней койке»<sup>30</sup>. Внятное подтверждение последнего обстоятельства Кейти получила очень скоро. Немного придя в себя от тошноты и головокружения, она услышала, как в каюте напротив плачет и причитает Эми. Она, похоже, была не менее сердита, чем больна, так как ругала свою бедную мать самым отчаянным образом.

– Я ненавижу море, – доносились до Кейти ее слова. – Я не хочу оставаться на этом отвратительном корабле. Мама! Мама! Ты меня слышишь? Я не останусь на этом корабле. Какая ты злая, что привела меня в такое ужасное место! Это у-жас-но, это же-сто-ко! Я хочу назад, мама! Скажи капитану, чтобы он вернул меня на берег. Мама, почему ты ничего не говоришь? Мне так плохо, и я так несчастна! Разве тебе не хочется умереть? Мне хочется!

За этим последовал новый поток рыданий, но ни звука не было слышно из койки миссис Эш, которой, как предполагала Кейти, было так плохо, что, вероятно, она не могла говорить. Кейти было очень жаль бедную маленькую Эми, метавшуюся в своей верхней койке, точно в клетке, но она была бессильна помочь ей. Она могла лишь примириться с собственными неудобствами и старалась поверить в то, что как-нибудь когда-нибудь положение дел должно измениться к лучшему – либо все они доберутся до суши, либо все пойдут на дно, и в тот момент ее не особенно волновало, какой именно исход путешествия их ожидает.

---

<sup>30</sup> Стюардша – англичанка, вероятно жительница Лондона, поэтому американке Кейти кажется непривычной ее манера опускать звук «h» в начале слов, там, где его произносят американцы, и, наоборот, произносить там, где американцы его опускают.

День тянулся медленно, шторм все усиливался, и судно страшно качало. Кейти дважды выбросило на пол из ее койки. Затем пришла стюардша и прикрепила к койке что-то вроде съемного борта, который не давал Кейти вывалиться, но чувствовала она себя при этом как младенец в закрытой с четырех сторон детской кроватке. Время от времени она все еще слышала, как плачет и ругает свою мать Эми, и догадывалась, что ее спутницам приходится тяжело. Все это было как дурной сон. «И они называют это „путешествовать для собственного удовольствия“», – думала бедная Кейти.

Во вторую ночь имело место одно забавное происшествие – по крайней мере, забавным оно стало казаться впоследствии, но в то время Кейти чувствовала себя слишком плохо, чтобы получить удовольствие от случившегося. Сквозь шум ветра, скрип корабельной оснастки и пронзительное жужжание гребных винтов она неожиданно услышала в коридоре возле открытой двери своей каюты странные мелкие, легкие шажки, словно там был отряд мышей или игрушечных солдатиков, подскакивающих и прыгающих в беспорядке. Шаги становились все ближе и ближе, и, открыв глаза, Кейти увидела целую процессию туфель и ботинок всевозможных фасонов и размеров. Очевидно, они были оставлены на полу в коридоре возле дверей разных кают и, передвигаясь в соответствии с креном судна, собрались у каюты Кейти. Можно было подумать, что они и в самом деле живые и действуют заодно, когда, толкаясь и семеня, они бок о бок, парами проходили в дверь и подбирались поближе к койке. Несколько мгновений они оставались на месте, исполняя что-то вроде танца, а затем туфля-предводительница повернулась на каблучке, словно подавая сигнал остальным, и все они не спеша запрыгали в коридор, где и исчезли. Как потом написала Кейти в письме Кловер: «Это было совсем как в какой-нибудь сказке Андерсена»<sup>31</sup>. Она слышала, как они удаляются, но чем все это кончилось и получили ли владельцы ботинок и туфель обратно каждый свою пару, она так и не узнала.

Ближе к утру шторм утих, море стало спокойнее, и Кейти уснула, а когда проснулась, солнце прорывалось сквозь облака, и сама она чувствовала себя лучше.

Пришла стюардша, открыла иллюминатор, чтобы впустить в каюту свежий воздух, и помогла Кейти умыться и расчесать спутавшиеся волосы. Затем она принесла мисочку с жидкой овсянкой и треугольный жареный хлебец, и Кейти обнаружила, что аппетит вернулся к ней и она вполне может поесть.

– А вот письмо для вас, мэм. Пришло по почте сегодня утром, – сказала ей любезная полная и немолодая стюардша, извлекая из кармана конверт и взирая на свою пациентку с большим удовольствием.

– По почте? – изумленно воскликнула Кейти. – Да как это может быть? – Но, увидев на конверте почерк Розы, она все поняла и улыбнулась собственной наивности.

Стюардша тоже расплылась в приветливой улыбке, пока Кейти распечатывала письмо, а затем, повторив: «Да, мэм, по почте, мэм», удалилась, оставив Кейти наслаждаться этим маленьким сюрпризом.

Письмо было недлинным, но именно таким, какого можно было ожидать от его автора. Роза представила картину того, чем, по всей вероятности, будет занята Кейти в то время, когда получит это письмо, – картину, столь близкую к истине, что Кейти заподозрила наличие у Розы провидческого дара, в особенности потому, что та любезно сопровождала описание ситуации целой серией рисунков пером, на которых Кейти была изображена лежащей ничком в койке, с ужасом отказывающейся идти на обед, с тоской глядящей назад, туда, где предположительно остались Соединенные Штаты, и выживающей через иллюминатор при помощи согнутой булавки подводный кабель в надежде передать послание родным, чтобы те немедленно прибыли и забрали ее домой. Заканчивалось письмо короткой «поэ-

<sup>31</sup> Андерсен – датский писатель-сказочник (1805–1878).

мой», над которой Кейти смеялась до тех пор, пока миссис Эш не окликнула ее слабым голосом из своей каюты, чтобы узнать, в чем, собственно, дело.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.